

УДК 811.511.13

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.

Статья третья¹

Светлана Сергеевна Шляхова

д. филол. н., профессор кафедры общего языкознания

Пермский государственный педагогический университет

614000, Пермь, ул. Сибирская, 24. shlyahova@rambler.ru; shlyahova@mail.ru

Цикл работ включает три статьи, посвященные исследованию звукоизобразительности в пермских языках. В третьей статье намечаются возможные пути и перспективы развития фоносемантических исследований (универсальная (типологическая), грамматическая, психолингвистическая, этимологическая фоносемантика) в пермистике. Предлагаются первичные подходы к универсальной типологии ономастов, разработанной С.В.Ворониным; показано проявление звукоизобразительности на грамматическом уровне; рассмотрены процессы утраты примарной мотивированности языкового знака, его денатурализации на примере коми-пермяцких слов *лов* «душа», *гуран* «ямка, рытвина, низина, впадина, овраг, углубление», *боболь* «бука, домовая, барабашка», суффикса *-вёр* (ср. коми *вёр* «лес») с семантикой собирательности и пр.

Ключевые слова: финно-угорские языки; пермские языки; изобразительные слова; фоносемантика; звукоизобразительность.

Перспективы изучения звукоизобразительности в пермских языках

Основные задачи фоносемантики сводятся к решению следующих основных проблем: особенности звукоизобразительной системы языка в целом; звукоподражательная и звукоименная подсистемы; строение звукового денотата; универсальная классификация ономастов; отражение признаков звукового денотата; звукоизобразительные функции фонем; синестезия и синестемия; критерии выделения звукоименного слова; звукоизобразительность в грамматике и на уровне текста; происхождение языка; онто- и филогенетическая эволюция языка; категории фоносемантики; фоносемантические регулярности и универсалии и пр. [Воронин 1982].

В целом можно говорить о том, что звукоизобразительность пермских языков отмечалась всеми лингвистами, однако полного системного описания эта сфера языка до сих пор не получила. В будущем изучении звукоизобразительности пермских языков можно выделить следующие направления.

Универсальная (типологическая) фоносемантика предполагает системное типологическое описание звукоизобразительной лексики

различных языков и выявление на этой основе закономерностей примарной мотивированности этого пласта лексики. В основе систематизации и сравнения звукоизобразительной лексики лежит объективная универсальная классификация ономастов, разработанная С.В.Ворониным [Воронин 1982]. Эта типология проверена на материале многих родственных и неродственных языков [Братусь 1976; Вельди 1988; Канкия 1988; Койбаева 1987; Мазанаев 1986; Слоницкая 1987; Шляхова 2003 и др.]. Модели ономастов представлены на уровне фонемотипа (смычный, щелевой, взрывной, сонорный и пр.), что позволяет представить материалы различных языков как сопоставимые системы.

Так, «сверхкраткий» шум или тон, одинаково воспринимаемый человеческим ухом как акустический удар, в типологии С.В.Воронина обозначен как класс инстантов. К инстантам относятся обозначения стука, щелканья, хлопанья, шлепанья, треска и других звучаний ударной природы. Ср. к.-п.² *тюн-тён, тён-тён, кап-кап* «кап-кап»; *бут, бут-бат, бута-бата, пач* «стук»; *чик-чик* «стук, падение»; *бучкыны* «хлестануть (прутом); сильно ударить (кулаком)»; *пачавны* «давать щелчки (за что-л.)»; *пачкыны* «ударить чем-л., бросить что-л.»; *гып, ып, уп* «бах, хлопок»; *гыпкы-*

ны «хлопнуть, выстрелить»; к.-з. *пычьавны* «хлопать»; *печласяян* «трескучий»; *печиктыны* «щёлкнуть»; *точкины* «тикать (о часах)»; *тошкөдны* «стучать»; *гыпкыны* «хлопнуть, хлопать»; удм. *быгыны* «ударить, сбить»; *дыгыны* «стукнуть (обо что-л.)»; *чабкыны* «шлёпнуть ладонью»; *путкарыны* «колоть, расколоть, разбить»; удм. *коканы*, *дыбыр-шалтыр*, *дыгыр*, *чыкыртны*; к.-з. *коқыштыны* «клянуть»; *чапниты* «стукнуть, ударить»; *поткөдны* «расколоть»; эст. *korutama*; фин. *koputtaa*; венг. *korogás*; рус. *тук*, *тюк*, *тяп*, *чик*, *чак*, *кап-кап*, *бот*, *тон*, *коч*, *тик-так*; рум. *por*; англ. *tap*, *knock*, *clap*, *plap*, *por*, *rat-tat*; фр. *ploc*, *toc toc* «стук, стучать».

Фоносемантическая модель инстантов:

(PLOS) + V + PLOS³.
(AFFR) AFFR

Среди согласных в составе инстантов преобладают взрывные, реже – аффрикаты, которые и передают ударную природу звучания.

Ср. также смех в различных языках, который отражается посредством заднеязычного, что указывает на место образования звучания, характер гласного указывает на степень раствора рта при определенном виде смеха: ср. к.-п. *вак-вак*, *ки-ки*, *ка-ка*; тадж. *хи-хи*, *ха-ха*, *вах-в*, *ках-к*; осет. *хаел-х*; якут. *һык*, *һаһа*, *һыһы*; тур. *hığ-h*; чув. *хаххах-х*; япон. *ха-ха*, *хо-хо*; араб. *Н'Н'* «смех»; рус. *хихикать*; англ. *giggle*, *titter*, *chuckle*, *tee-hee!*; чеш. *híhňat se*; азерб. *kıkr kıkr gülmek*; венг. *vihogás*; фин. *kikatus*; польск. *chichot*; индонез. *cekikikan* «хихикать».

Грамматическая фоносемантика [Воронин 1982; Петухова 2001; Левицкий 2009 и др.] исследует проявление звукоизобразительности на грамматическом уровне. Значимость грамматического уровня в звукоизобразительности настолько велика, что Я.Малкил предлагает термин «морфосимволизм» в противоположность термину «фоносимволизм»: в первом случае имеется в виду символика грамматических форм, а во втором – символика звуков [Malkiel 1994: 207; цит. по: Левицкий 2009: 46]. Так, для пермских языков актуальным является выявление грамматических критериев звукоизобразительного слова, а также анализ соотношения аффиксации, редупликации, апофонии, конверсии, словосложения и звукоизобразительности.

Роль звукоизобразительности очевидна, например, в хорошо известном факте звуко-символической функции уменьшительных суффиксов. Однако действие звуко-символизма не ограничивается сферой суффиксов. Так, А.М.Газов-Гинзберг доказал безусловную мотивированность прасемитской флексии [Газов-Гинзберг 1974].

Проведённое В.В.Левицким предварительное исследование 23 языков различного строя [Левицкий 1969] показало, что в обозначениях понятия «маленький» звук [i] встречается не только в корне слов, но и в суффиксах. Случайно ли этот звук широко распространен в уменьшительно-ласкательных формах европейских имён собственных (типа *Топу*, *Lilly*, *Dicky*) [Левицкий 2009: 46]? Ср. суффикс *-инь-* в сопровождении с *-өй* (*-иньөй*) употребляется только в к.-п. языке, где образует уменьшительно-ласкательные имена существительные: *маминьөй* ‘мамонька’, *сойиньөй* ‘сестричка’, *нылиньөй* ‘доченька’, *ыбиньөй* ‘полюшко’ и т. д. К.-п. *-иньөй* в к.-з. соответствует *-анөй*: *ныланөй* ‘девонька’, *пианөй* ‘сыночек’, *зонманөй* ‘парнишечка’. Суффикс *-анөй* представлен также в к.-яз. наречии: *муанөй* ‘землюшка’ [Кривошекова-Гантман 2006: 93–94].

Б.А.Серебренников в суффиксе *-иньөй* видит «нагромождение четырех уменьшительных суффиксов: *-и*, *-н'*, *-ө*, *-j*», а в суффиксе *-анөй* часть *-ан* возводит к прауральскому суффиксу отыменных существительных *-n*, ср. фин. *pähkinä* ‘орех’, морд. *kudyne* ‘домик’, хант. *tormen* ‘божок’ и т. д. [Серебренников 1963: 149, 142]. По мнению А.С.Кривошековой-Гантман, в основе этих суффиксов – одно и то же слово *ань* (*инь*) ‘женщина’. К такому предположению склоняет совпадение значения *ань*, *инь* в разных коми языках и диалектах, а также сходство внешнего облика суффиксов с соответствующими самостоятельными словами языка или диалекта, в котором бытует тот или иной суффикс. Так, в к.-з. и к.-яз. *ань* ‘женщина’ дало суффикс *-анөй*, в к.-п. *инь* ‘жена’ дало суффикс *-иньөй* [Кривошекова-Гантман 2006: 94].

В то же время в большинстве славянских языков понятие маленький обозначается словами, содержащими гласный [a], в то время как испытуемые, говорящие на русском и украинском языках, оценивают звук [a] как большой, а звук [и] как маленький [Левицкий 1998: 11; Прокофьева 2008: 61]. На наш взгляд, эти факты не отвергают семантику «малости» рассматриваемых суффиксов, которая, вероятно, может быть связана не только с «узким и высоким» [i], но и с палатальностью (ср., напр., уменьшительный суффикс *-н'*). По данным В.В.Левицкого, понятие «маленький» связано с акустическими признаками: передний ряд, верхний подъём, глухость, сонорность, палатализованность [Левицкий 2009: 66]. Семантика уменьшительности, малости, незначительности характерна для к.-п. суффиксов *-ыник*, *-ик*, *-инь-*, *-тор-*, *-ок* (*-ёк*), *-ни* (*-тиян*). Для них типичны гласные верхнего (*и*, *ы*) и среднего (*о*) подъёма, ряд гласных нереле-

вантен; глухие (*к, т, п*) и сонорные (*р*) согласные. Палатальность является специфическим признаком к.-п. согласных, поскольку в к.-п. языке мягкую пару имеют только зубные и некоторые альвеолярные согласные. Следовательно, в данных суффиксах /к/, /т/, /п/ и /р/ (вibrant имеет палатальную пару по русскому типу только в заимствованиях) не имеют мягкости, что говорит о нерелевантности признаков палатальности согласных и ряда гласных для символизации малости в к.-п. суффиксах.

Кроме того, следует тщательно проследить становление суффиксов в диахронии. Так, в и.-е. языках О.Есперсен [Jespersen 1933: 285–286], Дж.Орр [Orr 1944: 4] и Ст.Ульман [Ullmann 1964: 81–92] поставили вопрос о влиянии звукового символизма на жизнеспособность слова и на аномалии в действии фонетических законов. Дж.Орр, в частности, обратил внимание на то, что лат. *parvus*, звучание которого, включающее [a], противоречило значению «малый», было заменено в романских языках другими словами, включавшими в своё звучание [i]: рум. *mic*, итал. *piccolo*, фр. *petit*. В.Пизани заметил, что символические свойства звуков могут оказать влияние на аномальное изменение звуковой оболочки слова в процессе развития языка. Так, др.-англ. *micel* приобрело в современном английском языке форму *much* (с [ʌ], а не [i], т.к. звук [i] с его символическим значением «маленький» явно противоречит значению англ. *much* «много, большой» [Левицкий 2009: 124–125]). В этом контексте гипотеза А.С.Кривошековой-Гантман об общей основе (слово *ань* (*инь*) «женщина») суффиксов к.-з. и к.-яз. *-анёй*, в к.-п. *-иньёй* выглядит вполне убедительной.

Ср. также суффикс *-тор* в значении уменьшительности особенно продуктивен в к.-з. языке: *керкатор* «домик», *мыльктор* «холмик», *йёвктор* «молочко». В к.-п. языке встречается гораздо реже: *тёвктор* «ветерок», *кымёртор* «облачко», *бедьтор* «палочка». Значение уменьшительности здесь развилось из конкретно-лексического «часть, кусок, отрезок, лоскуток» [Кривошекова-Гантман 2006: 94–95]. Ср.: в русском, французском, английском и арабском языках «одним из специфических признаков-оснований объектного сходства выступает «частичность», нередко коннотирующая значение «малости»: щепка – осколок – обломок; кусок – часть – сторона – бок; порция – доля – добыча и т. п.» [Михалев 1995].

Формально-семантическую сторону изобразительных слов исследовал Д.В.Бубрих, выделив такую особенность, как переход полнозначных глаголов, «которые поблекнув в своем лексическом содержании, приобрели характер просто

«держателей» изобразительных слов, а далее и суффиксов, придающих изобразительным словам определенное оформление»: *-кывны* («-слышаться») – длительность звучания (*вазакывны* «трещать»); *-видзны* («-видеться») – «передают схватываемое зрением состояние» (*зымвидзны* «выглядеть тяжелой громадой»); *-мунны* («пойти») – мгновенность звучания или «звучащего» действия (*бавмунны* «шатнуться»); *-керны* («-сделать») – звучание или движение при воздействии на предмет (*лайккерны* «шатнуть»). Суффиксы *-кы-* / *-гы-* (после звонких) и *-сы-*/*-зы-* (после глухих) также передают длительность звучания (*дзазГЫны* = *дзазаКЫВНЫ* «потрескивать»; *кокСЫны* «кудахтать») [Бубрих 1948: 85, 86]. Ср. в к.-п. языке суффикс *-керны* весьма продуктивен для выражения оттенка длительности действия: *баитёв-керны* «говорить долго», *гижёв-керны* «писать долго», *уджалёв-керны* «работать долго».

Как в к.-п., так и в к.-з. языках суффикс *-керны* может расширять значение словообразующего глагола в форме инфинитива, обозначая сопутствующее действие: к.-п. *баитны-керны* «поговорить и еще что-либо поделывать, поговорить и прочее», *шоччисыны-керны* «отдохнуть и прочее», *чышкисыны-керны* «подмести и прочее»; в к.-з. *пывьсыны-керны* «попариться и прочее», *шойчыны-керны* «отдохнуть и прочее» [Кривошекова-Гантман 2006: 96 и след.].

На наш взгляд, слово *керны* изначально звукоизобразительное. Ср. *керны* «делать, сделать» (основное значение), побочные значения: «потрошить (о рыбе)», «дергать (лен, коноплю)», «убирать ((об огородных культурах)». Может быть, *керны* «потрошить (рыбу)» сопоставимо с *керавны* «рубить», удм. *кораны* «рубить» (< общеп. **ker-* «рубить»), мар. *кыраш* «колотить, стучать», эрз. *керямс* «рубить» [ЖЭСК 1999: 121–122].

Основа *кер-* относится к фоносемантическому классу фреквентативов, которые обозначают очень быстрые последовательности (серии) ударов (импульсов), где каждый удар уже почти не ощущается отдельно, но полного слияния последовательности ударов в единое звучание еще нет. Такие последовательности ударов ощущаются как диссонансы. Основной элемент фреквентативов – vibrant.

Ср. звуко-символизм [r] у Платона – движение; дрожание, пролом (битье, ломание); у М.Граммона – шероховатость, горечь, грубость, дрожание. Vibrant [R] («лингвальный», по Жеблену) имеет чрезвычайно широкие звукоподражательные возможности в изображении длительных дрожащих шумов («континуантов»);

колебательные движения языка изображают различные виды «дрожания, колебания»; одна из основных черт процесса колебания – многократное возвращение в первоначальное положение, т. е. «повторяемость, возвращение назад», что явилось одной из символических функций [R]; с другой стороны, дрожание очень напоминает катание языка по небу (ср. во фр. яз. R-roulant – «катающееся», раскатистое R) – отсюда возможность обозначать через него «вращательное, круговое движение» (что также смыкается с «повторяемостью») [Михалев 1995]. По данным В.В.Левицкого, и.-е. расширитель [r] обладал значениями «дробить», «разредить», «быстрое, резкое движение», «звучание», «хватательное движение» [Левицкий 2009: 137]. Акустико-артикуляционная природа корня *ker-* обуславливает оттенки значения «длительность» и «сопутствующее действие» ударной природы производимого действия.

В целом в пермских языках находит подтверждение фоносемантическая универсалия: семантическая категория множественности (повторности, многократности) звука и действия часто связана с RL-формантами (форманты с сонантами r, l) [Воронин 1982; Барто 2002] и редупликацией. Ср. к.-п. суффиксы со звукоименными значениями *-л-, -ыв-* однократности, *-лывл-, -авл-, -ывл-, -ыв-* многократности. Суффиксы с семантикой многократности являются вариантами сложения суффиксов с семантикой однократности: *л + ыв + л* (однократность) = *лывл* (многократность); *ыв + л* (однократность) = *ывл* (многократность) и т. п. Ср. также регулярно-кратные суффиксы *-л-, -лл-, -лылл-, -лыл-*; однократно-кратный суффикс *-л-* в казымском говоре ижемского диалекта коми языка [Суббота 2009: 13].

Психолингвистическая фоносемантика исследует явление звукового символизма в процессе восприятия и производства речи и связана с психолингвистикой порождения и восприятия речи, психолингвистикой развития, суггестивной лингвистикой, этнолингвистикой и др. История исследований по психолингвистической фоносемантике подробно представлена в [Воронин 1982, 1990; Левицкий 1998, 2009; Михалев 1995; Прокофьева 2007, 2008 и др.].

Звукоименизм в финно-угорских языках изучался G.Allport и В.В.Левицким; иконизм в грамматике – L.Bencze. Так, В.В.Левицкий приводит данные (не оценки символических значений, а ранги звуков между полюсами шкал) по венгерскому языку в сопоставлении с другими неродственными языками по шкале «большой – маленький»: ранги согласных – *t, k, b, n, m, d, š, s, r*; гласных – *i, e, a, u, o* [Левицкий 1977].

В.В.Левицкий приходит к выводу о том, что «звукоименное сходство между языками не зависит от их генетического родства» [Левицкий 2009: 25].

Широко исследуются механизмы синестезии. Ш.Дэй приводит статистические данные относительно различных видов синестезии: буква – цвет; единицы времени – цвет; звуки речи – цвет; звуки окружающего мира – цвет; музыкальные звуки – цвет; музыкальные ноты – цвет; боль – цвет; запахи – цвет; персоналии – цвет (аура); вкус – цвет; звук – вкус; звук – прикосновение; зрение – вкус; звук – температура; звук – запах; зрение – слух; зрение – запах [Day 2004]. «Количественные данные позволяют отметить высокую степень совпадения результатов опроса по самому часто встречающемуся типу синестезии «буква + цвет», также вполне регулярными можно считать ассоциирование по типу «единицы времени + цвет», «звуки речи (+фонемы) + цвет», «музыкальные звуки + цвет» <...>; частотную вершину всех типологий занимают цветобуквенные и звукоцветовые ассоциации. Этот факт делает возможным выдвижение гипотезы, что именно данный тип синестезии лег в основу универсального межчувственного восприятия, как проявления невербального мышления человека на бессознательном уровне» [Прокофьева 2007: 84]. Эксперименты А.П.Журавлева показали, что гласные звуки русского языка ассоциируются с определенными цветами. Эксперименты Л.П.Прокофьевой дополнили эти данные колористической характеристикой согласных звуков [Журавлев 1991; Прокофьева 2007, 2008].

На основании этих данных была разработана универсальная русско-английская программа фоносемантического анализа «Звукоцвет» (разработчики Т.Миронова, И.Пластун, Л.Прокофьева). При помощи этой программы были получены интересные результаты звукоцветовых соответствий русских текстов: научная статья, документы, законы – черно-белый; учебник гуманитарного профиля – черно-желтый; учебник естественно-научного профиля – черно-синий; газетная статья – черно-бело-красный; журнальная статья – черно-бело-синий; заговоры, молитвы, мантры – синий, красный. По данным Л.П.Прокофьевой, русская речь в целом красно-сине-бело-черного цвета, английская – желто-зеленого [Прокофьева 2008].

Отдельные данные относительно звукоименных характеристик венгерских звуков находим в «Структурной антропологии» К.Леви-Стросса: «<...> лицо, родным языком которого является венгерский, видит гласные следующим образом: *i, i* – белый; *e* – желтый; *é* – немного

темнее; *a* – беж; *á* – темный беж; *o* – темно-синий; *ó* – черный; *u, ú* – красный, как свежая кровь» [Леви-Стросс 1985: 86]. Однако методики получения этих данных не проясняются.

Этимологическая фоносемантика ставит своей задачей выявить звукоизобразительный мотив номинации слова, объяснить характер связи между звучанием и значением этимона, смыкаясь здесь с этимологией, сравнительно-историческим языкознанием, семасиологией, лексикографией. Долгое время наиболее активно этимологическая фоносемантика развивалась на материале английского языка [Климова 1986, 1999; Бродович 1999 и др.], что же касается русистики и пермистики, то исследования здесь только начинаются.

Сколько времени связи между звучанием и значением звукоизобразительные слова сохраняют живыми и осознаваемыми, зависит от семантической и фонетической судьбы слова. Слово эволюционирует как семантически, так и фонетически. При этом если в ходе семантической эволюции слова происходит денатурализация, то это значит, что привязанность значения слова к его форме начинает стеснять свободу его семантического развития и слово, подобно вылупляющейся бабочке, сбрасывает пути кокона примарной мотивированности. Такова судьба более 3/4 словаря всех языков. В слове развиваются значения, не связанные с его звучанием [Бродович 2002].

В процессе исторического функционирования слова происходит денатурализация языкового знака, при которой связи между звучанием и значением утрачиваются, а слово начинает развивать «незвуковые» значения. Так, в к.-п. *лов* «душа» < общеп. *lol = доперм. *lewle «дыхание» является звукоизобразительным, поскольку восходит к звуку дыхания. *Гурган* – в говорах Верхнего Прикамья место карстового провала, яма, рывина. Ср. к.-п., к.-з. *гуран* «ямка, рывина, низина, впадина, овраг, углубление» [КЭСК 1999: 83]. Корень *гур-* – звукоподражательного характера; имитирует гул, сопровождающий провал [Кривошекова-Гантман 2006: 217].

Еще большую степень денатурализации языкового знака демонстрируют древние корни, выступающие в современном языке в функции суффиксов. Так, суффикс *-vör* (ср. коми *vör* «лес») встречается, например, в кочевских говорах к.-п. языка. Его семантика – выражение собирательности: *инькаvör* «женщины, группа женщин», *нывкаvör* «девушки, группа девушек», *челядьvör* «дети, группа детей». В данном случае обобщенное значение собирательности развилось из семантики слова, обозначающего сово-

купность предметов как единство *vör* «лес». Однако его конкретное лексическое значение при употреблении в качестве суффикса стерлось. Оно стало выражать лишь идею собирательности, множества предметов [Кривошекова-Гантман 2006: 24].

Подобное развитие семантики характерно и для и.-е. языков. Так, во французском языке фонестема *BR-*, «ассоциативно связываемая с признаком “беспорядочность”», оказывается продуктивной в образовании перекликающихся понятий. Многозначность таких слов, как *brueil* 1) лесосека, лес; 2) теснящаяся толпа; *brueille*₁ «внутренности», *brueille*₂ «лес»; *broce, broisse* 1) кусты; 2) густое растение; 3) пучок деревьев; 4) щетка; 5) олени рога; 6) компактное войско с теснящимися рядами, интегрируется значением «скопление», которое явно находится в одном ассоциативном ряду с «беспорядочностью». В данном случае различные уровни представления объекта «лес» – как множества («скопление») и как элементов этого множества («лесная поросль, лес, дерево») – служат основанием пересечения с другими группами» [Михалев 1995].

Финно-угорские языки сохраняют следы древних стадий развития языка. Так, переход от натуральной стадии к конвенциональной очевиден, например, в функционировании к.-п. *боболь*: 1) натуральная: *боб-боб-боб, бо-бо-бо* «подражание бормотанию, ворчанию, невнятной, нечленораздельной речи» (*Пöрись старуха ныр увтас ныр бобгö боб-боб-боб* (Дряхлая старуха под нос вечно ворчит боб-боб-боб) > 2) натурально-конвенциональная: *бобгыны* «болтовня, бессодержательная речь, ворчание, бурчание»; *бобгыны* «говорение вообще»; *бобшитны* «говорить быстро и монотонно»; *бобгыны, бобгыны-баитны* «бормотать»; *бобгыны-видчыны* «ворчать» > 3) конвенционально-натуральная: *боболь* детск. «бука, домовая, барабашка» (букв. тот, кто невнятно, нечленораздельно говорит).

Номинация нечистой силы по характеру звукоизвлечения является характерной для многих культур. Для речи нечистых типичны разного рода звуковые (часто нечленораздельные) комплексы. В фольклорной традиции восточнославянские русалки «ихают, гэкают и мыкают» (*ага-ага, огэ-огэ, шу-ги, гм-м-м, гутьныки-гутьныки*); польская смерть, нанося человеку удар, говорит «*пуль-пуль-пуль*»; русский домовый «хенькает» (*ка-хынь-хынь*); черт, козни которого раскрыты, «гагайкает» (*а-га, га-га, до-га, да-ли-ся*).

Кроме того, речь нечистых также являет собою «деформации» уже существующих языков: в Словакии демоны говорят на «испорченном» венгерском (*шоэ-своэ, хвоэ-твоэ, туря-кура*);

песни русалок, записанные Г.Сахаровым, «бесмысленные слова или звуки, отзывающиеся украинским и белорусским наречием» [Даль 1994: 55].

Народные представления о речевом поведении нечистой силы и связанной с ним звукоимовилике стали предметом анализа А.Журавлева, который выделил три лексические группы, обусловленные в народной традиции представлениями о речи демонов: 1) глаголы, обозначающие речь нечистой силы; 2) междометия, которые издают те или иные мифологические персонажи; 3) наименования представителей нечистой силы, соотносимые с их звуковыми характеристиками (типа *кука*, *кыка*, *хохря*, *гогона* и др.). В имитации речи демонов активизируются периферийные участки речевого аппарата (обилие заднеязычных согласных *к*, *г*, *х* и передних гласных *о*, *у*, *ы*), что может быть сопоставлено с маргинальностью и иномирностью самих персонажей [Журавлев 2004].

Ср. также речь кликуши в коми-язвинской быличке: «*Как сама говорит, так и порча, но больше по-русски говорит. Напугает, хоть чем, что возьмёт, тем и шарахнет. Потом болела сильно. Она всегда говорила: “О-тё-тё-тё-тё-тё-тё-тё. Обо-обо-обо-обо, обо”*».

Наиболее ярко говорение русских духов проявляется в кликушестве. Кликушество (порча, кликота, крикота) обычно мотивируется тем, что в человека вселилось (или было посажено колдуном) некое демоническое существо. Помимо различных психосоматических эффектов (общее недомогание, непрекращающаяся зевота, судороги и конвульсивные движения, депрессия) вселившийся демон зачастую обнаруживает свое присутствие, существенным образом изменяя речевое поведение одержимого / одержимой (как правило, кликушеству в большей степени подвержены женщины, а не мужчины) [Панченко 2003].

Аналогичная форма одержимости известна у коми. Здесь она обозначается терминами *шева*, *икота* и *лишинка*. Что касается особенностей поведения одержимого шевой, то они в существенной степени соответствуют тому, как ведет себя русская кликуша [Сидоров 1997]. Вселением шевы объяснялись многие хронические, сопровождающиеся удушьем, болями в области сердца, желудка, головы, заболевания. Однако главным проявлением ее присутствия считались повторяющиеся истерические припадки. Человек приходит в экстаз и отрывистым визгливым голосом пророчесствует от имени сидящей в ней шевы. Описаны случаи, когда человек ощущал шеву в виде вороны, петуха и во время приступа

имитировал поведение птицы (с легкостью прыгал в высоту, каркал, кукарекал) [МК: Шева].

Характерно, что номинации медиаторов в разных культурах мотивированы характером звукоизвлечения: *кликуша* < *кликать* «кричать, звать»; *икотка* < *икать* «кричать, звать»; *шева* < прапермское *šóca «нечто с голосом, звуком, сообщением», *šó «голос, звук». Ср. к.-п. *шы* «звук, голос»; к.-з. *шы* «звук», *шыавны* «звучать, издавать звуки, подавать голос». Одним из наиболее ярких признаков шевы, по представлениям коми-зырян, является способность издавать пронзительные звуки, говорить, предвещать [МК: Шева]. Ср. также этимологию В.В.Напольских коми *шева* «порча», который сближает слово с удм. *шõ* «чувство, предчувствие», *ше* «знак», *шуыны* «говорить, сказать» [Напольских 1998, 1999].

Среди автохтонных народов и русских поселенцев Северо-Восточной Сибири сходные с кликушеством явления обозначаются терминами *мэнэрик*, (*э*)*миряченье*, *имяреченье* [Дмитриева 1988: 222]. Вероятно, такое разнообразие названий (*мэнэрик*, (*э*)*миряченье*, *имяреченье*) объясняется языковыми и культурными контактами: исходный аборигенный (возможно, якутский) термин мог быть переосмыслен в связи с русским *мерек* «злой дух, призрак», *мерекать* «бредить» (от **merk-* наряду с **myrk-* [Фасмер II: 602], а также с *имярек* (поскольку зачастую кликуша выкрикивает имя «испортившего» ее колдуна, а также имя поселившегося в ней беса). Отсюда же, по всей видимости, происходит севернорусское *миряк* «мужчина, страдающий кликушеством» [Панченко 2003].

Таким образом, связь подражания нечленораздельной речи и наименования нечистого духа отмечается во многих культурах, что повышает достоверность примарной мотивированности к.-п. слова *боболь*, а также отражает стадии утраты примарной мотивированности словом.

Выше перечислены лишь основные направления современных фоносемантических исследований. Подобные исследования по языкам пермской группы нам не известны, что открывает огромные перспективы фоносемантических исследований в пермских языках.

Примечания

¹ Данная статья завершает цикл работ, посвященных проблемам звукоизобразительности в пермских языках (см.: [Шляхова 2011a; Шляхова 2011б]).

² Здесь и далее языки: азерб. – азербайджанский, алб. – албанский, англ. – английский, араб. – арабский, баск. – баскский, бурят. – бурятский, венг. – венгерский, груз. – грузинский, доперм. –

допермский, др.-англ. – древнеанглийский, и.-е. – индоевропейский, индонез. – индонезийский, исп. – испанский, итал. – итальянский, к.-з. – коми-зырянский, к.-п. – коми-пермяцкий, к.-яз. – коми-язьвинский, кхмер. – кхмерский, лит. – литовский, мал. – малайский, манс. – мансийский, мар. – марийский, морд. – мордовский, нем. – немецкий, общеп. – общепермский, осет. – осетинский, польск. – польский, рум. – румынский, рус. – русский, саамск. – саамский, словен. – словенский, тадж. – таджикский, тур. – турецкий, уд. – удорский диалект (к.-з.), удм. – удмуртский, укр. – украинский, фин. – финский, фр. – французский, хант. – хантыйский, чеш. – чешский, чув. – чувашский, эрз. – эрзя-мордовский, эст. – эстонский, якут. – якутский, япон. – японский.

³ V – гласный; PLOS – взрывной; AFFR – аффриката.

Список литературы

- Бартко Н.В.* Английские звукоизобразительные RL-глаголы: фоносемантический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.: СПб. гос. ун-т, 2002. 16 с.
- Братусь И.Б.* Акустические ономотопы в индонезийском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: Ленингр. гос. ун-т., 1976. 19 с.
- Бродович О.И., Воронин С.В.* (Фоно)лексическое гнездо *bogey* «бука, пугало»: фоносемантический анализ // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики: материалы всерос. конф. М.; Пенза: Ин-т психол. и Ин-т языкозн. РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1999. С.124–125.
- Бродович О.И.* Звукоизобразительная лексика и звуковые законы // Англистика в XXI веке: сб. науч. тр. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 32–35.
- Бубрих Д.В.* К проблеме изобразительной речи // Учен. зап. Карело-Фин. ун-та. Истор. и филол. науки. 1948. Т.3, вып.1. С.85–94.
- Вельди Э.А.* Англо-эстонские параллели в ономотопее: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту: Тарт. ун-т, 1988. 21 с.
- Воронин С.В.* Основы фоносемантики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 244 с.
- Воронин С.В.* Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании: (очерки и извлечения). Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 200 с.
- Газов-Гинзберг А.М.* Символизм прасемитской флексии. О безусловной мотивированности знака. М.: Наука, 1974. 122 с.
- Даль В.И.* О повериях, суевериях и предрасудках русского народа: материалы по рус. демонологии. СПб.: Литера, 1994. 480 с.
- Дмитриева С.И.* Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М.: Наука, 1988. 240 с.
- Журавлев А.П.* Звук и смысл. М.: Просвещение, 1991. 160 с.
- Журавлев А.П.* Фонетика бесовских глоссолалий // Язык культуры: семантика и прагматика: к 80-летию со дня рождения акад. Никиты Ильича Толстого (1923-1996): материалы междунар. науч. конф. «Славянская этнолингвистика и проблемы изучения народной культуры» / отв. ред. С.М.Толстая. М.: Индрик, 2004. 494 с.
- Канкия Н.Д.* Примарная мотивированность слова (на материале английского и грузинского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 16 с.
- Климова С.В.* Глаголы «неясного происхождения» в Сокращенном Оксфордском словаре (Элементы этимологической фоносемантики): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 16 с.
- Климова С.В.* О некоторых аспектах этимологической фоносемантики // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики: материалы всерос. конф. М.; Пенза: Ин-т психол. и Ин-т языкозн. РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1999. С.145–146.
- Койбаева Т.Х.* Звукосимволическая лексика английского и лезгинского языков (Опыт фоносемантической типологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 17 с.
- Кривошекова-Гантман А.С.* Собрание сочинений. Т.1. Грамматика, диалектология, лексика и фразеология, проблемы развития языка. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2006. 246 с.
- КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка / под ред. проф. В.И.Лыткина. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 430 с.
- Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М.: Наука, 1985. 536 с.
- Левицкий В.В.* Звуковой символизм: Мифы и реальность. Черновцы: Рута, 2009. 186 с. // Авторский электронный вариант.
- Левицкий В.В.* Звуковой символизм: Основные итоги. = Sound symbolism: Principal results. Черновцы, 1998. 129 с.
- Левицкий В.В.* К проблеме звукосимволизма // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М.: МГУ, 1969. С.123–132.
- Левицкий В.В.* Объективный и субъективный звуковой символизм в финно-угорских языках // Исследования финно-угорских языков и литературы: тез. докл. всесоюз. науч. совещ. Ужгород: УГУ, 1977. С.42.
- Мазанаев И.А.* Основные группы звукосимволических слов: фоносемантический анализ (на материале английского и лезгинского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985. 16 с.
- Михалев А.Б.* Теория фоносемантического поля. Пятигорск, 1995. URL: <http://amikhalev.ru/> (дата обращения: 18.05.2010).

МК – Мифология коми. Энциклопедия уральских мифологий. URL: <http://www.komi.com/folk> (дата обращения: 12.12.2009).

Напольских В.В. Два термина коми мифологии (Этимологические заметки) // Арт. Сыктывкар, 1998. №1. С.92-101. URL: www.udmurt.info (дата обращения: 18.05.2010).

Напольских В.В. Этимология коми *шева* // *Linguistica Uralica*. Tallinn, 1999. Т.35, №1. С.45–48.

Панченко А.А. Кликота и пророчество // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. 2003. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/panchenko1.htm> (дата обращения: 02.02.2010).

Петухова Е.В. О сохранении примарной фонетической мотивированности языкового знака в процессе морфологического словообразования и конверсии // Международная педагогическая лексикография в теории и практике обучения в высшей школе: сб. тр. Курск, КГПУ, 2001. URL: <http://www.rspu.edu.ru> (дата обращения: 12.01.2010).

Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность в языковом сознании и художественном тексте: универсальный, национальный, индивидуальный аспекты: дис. ... докт. филол. наук. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2008. 442 с.

Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. Саратов: Изд-во Саратов. мед. ун-та, 2007. 278 с.

Серебрянников Б.А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 391 с.

Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми: материалы по психологии колдовства. СПб.: Алетейя, 1997. 283 с.

Слоницкая Е.И. Звукосимволизм обозначений округлого (опыт типологического исследования): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГУ, 1987. 15 с.

Суббота К.А. Глагол в ижемском диалекте коми языка: грамматические категории и словообразования (на материале казымского говора): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2009. 18 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986–1987.

Шляхова С.С. Исследование звукоизобразительности в пермских языках: проблемы и перспективы. Статья вторая // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2011а. 3(15). С.7–16.

Шляхова С.С. Исследование звукоизобразительности в пермских языках: проблемы и перспективы. Статья вторая // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2011б. 4(16). С.9–17.

Шляхова С.С. Тень смысла в звуке: Введение в русскую фоносемантику. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2003. 216 с.

Day S. Trends in Sinesthetically Colored Graphemes and Phonemes. 2004. URL: www.ncu.edu.tw/~daysa (дата обращения: 15.12.2009).

Jespersen O. Symbolic value of the vowel *i* // *Linguistica*. Copenhagen, 1933. P.283–303.

Malkiel Y. Regular sound development, phonosymbolic orchestration, disambiguation of homonyms // Hinton L. et al. (ed.). Sound symbolism. Cambridge University Press, 1994. P.207–221.

Orr J. On some sound values in English // *British Journal of Psychology*. 1944. Vol.35, pt.1. P.1–8.

Ullmann S. Semantics: An introduction to the science of meaning. Oxford: Basil Blackwell, 1964. 278 p.

RESEARCH OF ONOMATOPOEIA IN PERMIC LANGUAGES: PROBLEMS AND PERSPECTIVES. Article third

Svetlana S. Shlyakhova

**Professor of General Linguistics Department
Perm State Teachers' Training University**

The planned series of works consists of three articles devoted to the research of sound iconicity in the Permic languages. In the third article the possible ways and prospects of development of phonosemantic research (universal (typology), grammatical, psycholinguistic and etymologic phonosemantics) in Permistics are determined. The primary approaches to the universal typology of onomatopoeia of the Permic languages worked out by S.V.Voronin are offered; the display of Sound Symbolism is shown at the grammatical level; the processes of loss of language sign motivation, its denaturalisations are considered on the example of the Komi-Permyak words *лов* "soul", *гуран* "fossula, rut, low-laying area, cavity, ravine, deepening", *боболь* "bogey, goblin", suffix *-вӧр* (a komi is the *вӧр* "forest") with the semantics of collectiveness, etc.

Key words: Finno-Ugric languages; Permic languages; onomatopoeic words; phonosemantics; onomatopoeia.